

Локон целует твой,
Чуть заметно его теребя.
Ветер счастлив, —
А я, хоть сижу с тобой,
Но не смею коснуться тебя.

2.

Распусти, дорогая, кудри свои.
Пусть на грудь они хлынут волной.
Как идут к тебе волны черных волос,
Как ты схожа с русалкой лесной.
Подыми на луну взгляд бездонный твой,
Сядь над зеркалом сонных вод.
Я берусь утверждать,
Что прохожий любой
За русалку тебя сочтет.
Как мне жалко.
Что вольной русалкою быть
Ты не можешь, моя Аминя:
Как лесной человек мог тебя б я любить,
Ты б, русалка, любила меня.
Если б ты, Аминя, русалкой была,
Я бы был пастухом — твоим другом сейчас,
И никто не посмел бы из-за угла
Поглядеть с укором на нас.

3.

Генрих Гейне
Матильду свою любил,
Нежно гладил ей кудри он.
Ах, не знаешь ты, моя Аминя,
Как в Матильду был Генрих влюблен.
Генрих умер.
И слез река утекла
Из бездонных Матильдиных глаз.
И Матильда одна на поля ушла
Без любимого первый раз.
И в лесах окружила ее тишина,
И покой одинокий настал,
И своею рукой
Распускала она
Пряди кос,
Что любимый ласкал.

Ты играешь со мною.
 А я так устал.
 Чуть дышу я, склоняясь на цветы.
 Аминя, ты мне кажешься жизнью самой
 Вся вселенная —
 Это ты.
 «Как Матильда,
 Что Генриха другом звала;
 Распушу я косу, любя.
 Головой склонись на колени мои...
 Милый друг,
 Я люблю тебя»
 Отчего ты не скажешь мне так, Аминя?
 Я тебя о любви не смею спросить.
 Знаю: ты мне сказала-б,
 Что можешь меня
 Лишь, как брата родного, любить.
 Ты склонилась лицо закрывая рукой,
 Ветер ласковый локон целует твой,
 Чуть заметно его теребя...
 Счастлив ветер, касаясь тебя.

Зачем, зачем глаза твои шальные
 На меня так пристально глядят?
 О, глаза, глаза твои живые...
 Скажи: какие чары в них горят?
 Часто силой твой взгляд наполняет меня.
 И высоко взлететь я могу,
 Иногда же, боясь твоих глаз, Аминя,
 Я от них в испуге бегу.
 И под огненным взглядом твоим не раз
 Опускал я глаза опаленные вниз.
 Что за сила плывет из любимых глаз,
 Из-под чудных твоих ресниц?
 Опусты свои очи.
 Они темны.
 Я боюсь,
 Я сейчас в них увидел вновь
 В море мертвой и девственной тишины
 Неразбужденную любовь.

Аминя, рассветает.
 Иди домой,
 Ты должна хоть немного поспать,
 Я ж останусь один на лужайке лесной,
 Чтобы песней рассвет встречать.
 В руки взяв старинную домбру свою,
 Я сыграю в последний раз
 И, рассветному ветру вторя, спою
 О глубинах бездонных глаз.
 Ветер вдаль унесет напевы мои,
 Из страны в страну понесет,
 Утром женщины у речной струи
 Будут слушать,
 Как ветер поет.
 Рассыпает рассветный туман росу
 По траве.
 Нам проститься пора.
 Скоро звонкие птицы проснутся в лесу
 Дай мне нежную руку, сестра!

Я, у озера сидя, песню пою.
 Ветер злой, укроти свой порыв!
 Не буди лесов,
 Не ломай ветвей
 У прекрасных, у дремлющих ив.
 Чей-то голос звенит в душе у меня,
 Умолкает и вновь звенит.
 Слов нельзя различить,
 Но, полна огня,
 Вся душа, как костер, горит.
 И слова, что наполнили душу мою.
 Наконец я расслышал,
 И вот я пою.
 Здесь, в лесу этом, девушка тихо росла,
 Что собою прекрасна, как ангел, была.
 И красавицы неба и нашей земли
 С ней равняться своей красотой не могли.
 Лес родимый
 Ее наградил красотой.
 Умывали озера
 Студеной водой,

И цветы,
Подымая свои лепестки,
Поцелуем касались девичьей руки.
Даже утренний ветер, мятежный и злой,
Нежно гладил ей кудри рассветной пророй.
И луна,
К ней склоняясь в бессонную ночь,
Целовала ее, как любимую дочь.
Только в девушку эту вместиться могли
Красота всей вселенной,
Все тайны земли.
Беломраморным тело казалось у ней,
А глаза рассыпали потоки лучей.
Проходили года.
И она подросла.
И однажды, закутавшись в черную шаль,
Эта девушка
В утро погожее шла
По тропинке лесной в озерную даль.
Там, у озера,
Долгим путем утомлен,
Человек незнакомый
Дремал, как дитя.
И она разбудила его шутя,
И назвался поэтом-бродягою он.

8

Аминя, с первым утренним ветерком
Посылает тебе прощальный привет
Незнакомец лесной,
Что теперь знаком.
Наступает день.
Догорел рассвет,
Ты придешь на озеро, Аминя.
Там, сестра моя, не найдешь меня,
Там лежит букет,
Там лежат цветы,
Там лежат цветы,
Что любила ты.
Пусть они напомнят тебе обо мне,
Пусть они расскажут моей Амине,
Что поэт-бродяга, друживший с ней,
Далеко идет по тропе своей.

Мой тернистый путь через степь лежит;
 Долог он
 И крут,
 И тяжел.
 Много черных дней меня сторожит,
 Много горестей,
 Бед и зол.
 На моем пути,
 Словно гор гряда,
 Встало горе,
 И встала беда.
 Лишь когда перейду через эту гряду, —
 Я далекое счастье мое найду.

1922 г.

НА УЛИЦЕ

1.

Я у дверей стучусь. Но дом молчит упрямо.
 Стучу еще, еще, стучусь в отцовский дом...
 Полуночная мгла...
 Открой мне двери, мама!
 Так жутко и темно.
 И ни души кругом.
 Мне страшно, мать. Открой!
 Впусти дитя родное.
 Не бойся дверь открыть — я сын любимый твой.
 Я так заледенел под вьюгою ночною.
 Проклятый ветер, укротись, не вой!

2.

Я у дверей стучусь. Но дом молчит упрямо.
 Стучусь, стучусь еще.
 Иль я схожу с ума?
 О, мама!
 Отвори!
 Ты не откроешь, мама?

Ты не откликнешься на мой призыв сама?
Ответь мне, почему дверей не открываешь?
Ведь я, твой сын родной, продрог и изнемог.
А ты меня в ночи, на стуже оставляешь.
И, как в чужом краю, я нынче одинок.
Я не сержусь, поверь.

Я все тебе прощаю.

Но ты меняпусти, в отцовский домпусти!
Не прогоняй меня от дома, мать родная!..
Но дом глухой молчит, в него нельзя войти.
И вот, стекло разбив, вхожу через окно я..
Нет в доме ни души.

Я так с ума сойду!

Ведь я изда́лека пришел в село родное
И верил, что отца и мать свою найду...

3.

По улицам брожу я ночью непогожей.
Мать умерла моя...

Ты слышишь ли прохожий?

Всех ближе, всех родней мне мать моя была
Но умерла она, судьба ее взяла.

Прохожий! Я в глазах твоих читаю тайну...

Ответь, проклятый, мне,
не ты-ль ее убил?

О, нет, прости, прости!..

Но может быть случайно

Заметил ты, когда к деревне подходил,
Что незнакомец шел украдкой на окраину
И незнакомец тот —

забрызган кровью был?..

4.

По улицам брожу...

А вслед собаки лают.

Не лайте, — я не вор, хотя брожу во тьме.
Прохожие меня должно-быть принимают
За сумасшедшего.

Нет, я в своем уме.

В деревне мать мою красавицей считали,
И мать моя всю жизнь жила своим трудом.
А моего отца

Гильман-бабаем звали.

Вы с ним знакомы все, со старым пастухом.
Теперь их больше нет.
Брожу я одинокий,
По улицам брожу. А зимний холод лют.
Я мерзну все сильнее, трясет озноб жестокий,
И негде мне найти ночевку и приют.

1923 г.

НОТА

(Это стихотворение, написанное в ночь, когда было получено сообщение об убийстве тов. Воровского, на другой день было отпечатано Комбинатом и распространено на манифестации.)

В стране окровавленной за рубежом
Чиновники, лорды, купцы собрались.
Разграбить наш край
И разрушить наш край
Сегодня они на крестах поклялись.
Мы — сильные дети Советской страны.
Мы-ль гордые головы склоним сейчас?
Мы-ль будем стыдливо, беспомощно ждать,
Чтоб рабские цепи надели на нас?
Нет, нет!
Мы не склоним своей головы.
В нас гордое чувство свободы живет.
Во век не унизится перед врагом
Свободный советский народ.
Клянемся,
Что вольной советской земли
Наш враг не потопчет ногой.
Эй, лорды, разбойники хищные!
Вас
Мы ждем.
Вы готовы на бой?
Арена открыта.
Свободный народ
Во веки не станет рабом.
Вы видите?

Негодованием горя,
Мы в руки оружие берем.
Кому победить, кому умереть —
Пусть битва решит сейчас.
Мы плату за кровь своего посла —
Вы слышите —
Требуем с вас.

14 мая, 1923 г.

ТАКТАШ УМЕР

Уже поблек закатный пламень алый,
Уже давно ночная вьется мгла.
А человек
Один сидит устало,
Не зажигая лампы, у стола.
Как знать, —
Быть может он устал сейчас
И молодые мышцы ослабели,
И в миг, когда лучи зари бледнели,
В его душе последний свет погас?
Быть может сам он ищет темноты,
Чтоб отдохнуть,
Уйдя в свои мечты?
Письмо от дряхлой матери
Пред ним.
Знаком глазам ее корявый почерк...
«Ты помнишь ли,
Кто молоком своим
Тебя когда-то выкормил, сыночек?
Кто по ночам не спал, тебя любя?
Кто на руках носил тебя больного?
Кто мучился
И не жалел себя,
Чтоб вырастал ты сильным и здоровым?
Кто часто сам голодным оставался,
А хлеб тебе последний отдавал?
Кто защитить тебя от бед старался,
Когда ты был
Беспомощен и мал?
Кто плакал о тебе в родном селеньи,
Когда ты на чужбине голодал?
Кто шел легко

На адские мученья,
Чтоб ты счастливым, милый мальчик, стал?»
О мать!
О бедная старушка-мать!
Как рвется к сыну,
Как она томится!
Ей, верно, сын и ночью снится...
А ты?.. А ты?.. Что можешь ты сказать?

А твой отец
С клюкою ковыляет,
Едва-едва одолевая путь.
Вот замер он, и кашель раздражает
Припадком острым старческую грудь.
Он говорит:
— Я сквозь мороз и вьюги
Готов для сына длинный путь пройти...
Отец бредет.
Родня со всей округи
Идет вослед
По снежному пути.
Все голодны,
И все едва одеты,
Они бредут в полях,
Они кричат:
— Наш сын, наш мальчик,
Возвратись к нам!
Где ты?
Тебя мы просим, возвратись назад!
Вернись назад
В свое село родное.
Вернись.
И мы, попрежнему любя,
С тобою будем жить одной семьей,
Тебя ласкать
И целовать тебя!..

Ночь пройдет.
Ветер утренний, широкий
Отцу в деревню принесет ответ:
«К чему писать тоскующие строки?
Твой синеглазый сын

В стране далекой
Недавно умер.
Сына больше нет».

Не жди письма от сына,
Мать-старушка.
Сын не пришел сквозь медь осенних нив,
Когда ты все ждала его в избушке,
Лицо к стеклу окошка прислонив.
Напрасно ждешь его ты
Ночью длинной.
Не постучит
В твое окошко он,
И писем от возлюбленного сына
Не принесет в избушку почтальон.
Приснится сын.
Ты встанешь до рассвета
И в руки вновь возьмешь его портрет.
Но больше
Даже утренние ветры
Не донесут к тебе
Его привет.
Его уж нет.
Отец, забудь о сыне!
Забудь и мать
О сыне навсегда.
Для вас, для всех,
Он умер на чужбине
И к вам не возвратится никогда.
О, плесенью покрытый, старый быт!
Его в своем болоте
Не ищи ты!
Не сыщешь синеглазого джигита.
Ушел навек задумчивый джигит.
От голода шатаясь,
Чуть одетый,
Прочь из трущоб твоих
Ушел джигит,
Ушел навеки.
Не найдешь нигде ты
Его в твоих владеньях, старый быт.
Твоя семья была узка ему,
Твое лицо казалось мордой зверя.